

Тысяча и одна НОЧЬ

Том II

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Тысяча и одна ночь

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том II

«ФТМ»

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том II / Эпосы, легенды и сказания — «ФТМ», — (Тысяча и одна ночь)

ISBN 978-5-4467-2991-3

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш. «1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные. Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира. В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

ISBN 978-5-4467-2991-3

© Эпосы, легенды и сказания

© ФТМ

Содержание

Рассказ о трех яблоках (ночи 19–20)	5
Двадцатая ночь	9
Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате (ночи 20–24)	11
Двадцать первая ночь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тысяча и одна ночь

II том

Рассказ о трех яблоках (ночи 19–20)

Шахразада сказала: «Говорят, о царь времени и владыка веков и столетий, что халиф Харун ар-Рашид призвал однажды ночью своего везира Джафара и сказал ему: «Я хочу спуститься в город и расспросить народ о поведении властвующих правителей, и всякого, на кого пожалуются, мы отставим, а кого похвалят, того наградим». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил Джафар, и халиф с Джафаром и Масруром спустились и прошли через весь город и стали ходить по улицам и по рынкам. Они проходили по какому-то переулку и увидели глубокого старика, на голове которого были сеть и корзина, а в руках – палка. И он шел не торопясь и говорил такие стихи:

«Они говорят мне: «Средь прочих людей
Сияешь ты знаньем, как лунная ночь».
А я им: «Избавьте от ваших речей!
Ведь ценится знанье лишь с властью всегда».
И если б хотели меня заложить,
С чернилом, тетрадью и знаньем моим,
За пищу дневную, – достичь не могли б
Принять залога до будущих дней.
А что до несчастных и бедных людей,
Печальна и пасмурна жизнь бедняка!
Как лето – не может он пищи найти,
Зимою жаровня лишь греет его.
Бегут на него придорожные псы,
И всякий презренный ругает его.
Когда же он сетует в горе мужам,
Никто среди тварей его не простит.
И если вся жизнь бедняка такова,
То лучшая доля в гробу его ждет»¹.

Услышав эти стихи, халиф сказал Джафару: «Посмотри на этого бедного человека и послушай его стихи! Они указывают, что он нуждается».

И халиф подошел к нему и спросил: «О старец, каково твое ремесло?» И старец ответил: «О господин мой, я рыбак, и у меня есть семья, и я вышел из дому в полдень, и до этого времени Аллах не уделил мне ничего на пропитание моей семьи. И я почувствовал отвращение к самому себе и пожелал смерти». – «Не хочешь ли возвратиться с нами к реке? – спросил халиф. – Встань на берегу Тигра и закинь твою сеть на мое счастье, и что ни вытянешь, я куплю это у тебя за сто динаров».

И рыбак обрадовался, услышав эти слова, и воскликнул: «Повинуюсь! Я вернусь с вами!»

И он возвратился с ними к реке и закинул сеть и подождал, а потом он потянул за веревку и вытащил сеть, и в сети оказался запертый сундук, тяжелый весом. И халиф, увидав сундук, потрогал его и нашел его тяжелым и дал рыбаку сто динаров, и тот ушел, а Масрур с везирем

¹ Размер "Мустакариб"

взяли сундук и принесли его во дворец. И они зажгли свечи (а сундук стоял перед халифом), и Джафар с Масруром подошли и взломали сундук, и в нем оказалась корзина из пальмовых листьев, зашитая красными шерстяными нитками. И они разрезали корзину и увидели в ней кусок ковра, а когда ковер подняли, под ним нашли изар, а в изаре молодую женщину, подобную слитку серебра, убитую и разрубленную.

И когда халиф увидел ее, он опечалился, и слезы потекли по его щекам, и он сказал, обратившись к Джафару: «О собака среди везирей! Людей убивают в мое время и бросают в реку, и это будет на моей ответственности в день воскресения. Я непременно возьму должное с того, кто убил эту женщину, и умерщвлю его зловещей смертью!» И продолжал: «Клянусь связью моего рода с халифами из сыновей аль-Аббаса, если ты не приведешь мне того, кто ее убил, чтобы я мог справедливо воздать ему за это, я непременно тебя повешу на воротах моего дворца, – тебя и сорок твоих родственников!»

И халиф сильно разгневался, а Джафар вышел и спустился в город, печальный, и говорил про себя: «Откуда мне узнать, кто убил эту женщину, чтобы привести убийцу к халифу? А если я приведу другого, это будет на моей ответственности. Не знаю, что мне и делать!»

И Джафар просидел у себя в доме три дня, а на четвертый день халиф прислал к нему одного из придворных, требуя его; и Джафар пошел к халифу, и тот спросил его: «Где убийца женщины?» – «О повелитель правоверных, не надсмотрщик я за убитыми, чтобы мне знать ее убийцу», – сказал Джафар. И халиф рассердился и приказал повесить его у своего дворца, а глашатаю он велел кричать на улицах Багдада: «Кто хочет посмотреть, как будут вешать Джафара Бармакида, везиря халифа, и сорок Бармакидов из его родственников на воротах халифского дворца, тот пусть выйдет и посмотрит!»

И из всех улиц вышли люди посмотреть на казнь Джафара и его родных, и они не знали, за что их вешают. И построили виселицу и поставили их под нею, чтобы их повесить, и стали ждать разрешения халифа (а знаком был взмах платка халифа), и люди плакали по Джафару и его родственникам.

И в это время вдруг появился юноша, прекрасный видом и чисто одетый, с лицом как месяц и глазами словно у гурии, с сияющим лбом и румяными щеками, с молодым пушком и родинкой, словно кружок амбры, и он до тех пор расталкивал народ, пока не оказался перед Джафаром.

«Да будешь ты спасен от того, чтобы стоять здесь, о господин эмиров и убежище бедных! – воскликнул он. – Я тот, кто убил ту, которую мертвой вы нашли в сундуке! Повесь же меня за нее и возьми с меня должное!»

И Джафар, услышав речь юноши и сказанные им слова, обрадовался своему освобождению и опечалился за юношу; и пока они разговаривали, вдруг видят – дряхлый старец, далеко зашедший в годах, расталкивает людей и проходит сквозь толпу. Он подошел к Джафару и юноше и приветствовал их и сказал: «О везирь и высокий господин, не верь словам, которые говорит этот юноша! Поистине, никто не убил этой женщины, кроме меня! Воздай же мне за нее должное, или я потребую у тебя ответа перед лицом Аллаха великого, если ты этого не сделаешь!» Но тут юноша сказал: «О везирь, это дряхлый старец, выживший из ума, он не знает, что говорит. Я ее убил! Возьми с меня за нее должное». – «О дитя мое, – сказал старец, – ты молод и жаждешь благ жизни, а я старик и утомлен жизнью. Я выкуплю тебя своей душой и выкуплю везиря и его родных. Никто не убивал эту женщину, кроме меня! Заклинаю тебя Аллахом, поторопись меня повесить! Для меня нет жизни после нее!»

И везирь, услышав это, изумился и, взяв с собою юношу и старика, поднялся с ними к халифу и поцеловал перед ним землю и сказал: «О повелитель правоверных, мы привели убийцу женщины». – «Где же он?» – спросил халиф. И Джафар ответил: «Этот юноша говорит, что он и есть убийца, а этот старик уверяет, что юноша лжет, и говорит, что убил он. Вот они оба перед тобою».

И халиф посмотрел на юношу и старца и спросил: «Кто из вас убил женщину?» – «Я», – ответил юноша. Но старец вскричал: «Никто не убил ее, кроме меня!» «Возьми их обоих и повесь», – сказал тогда халиф Джафару, но тот возразил: «Если убил один из них, то повесить другого будет несправедливо». – «Клянусь тебе тем, кто возвысил небеса и простер землю, – я убил эту женщину», – сказал юноша и изложил обстоятельства убийства и описал то, что нашел халиф в корзине, и халифу стало ясно, что именно юноша убил женщину.

И он удивился истории этих двоих и сказал: «По какой причине ты убил эту женщину, не имея права, и почему ты признался в убийстве, хотя тебя не били, и сам пришел сюда и сказал: «Воздайте мне за нее должное!»?» – «Знай, о повелитель правоверных, – сказал юноша, что эта женщина – моя жена и дочь моего дяди, а этот старик – ее отец, и он мой дядя. Я женился на ней, когда она была невинна, и Аллах наделил меня от нее тремя детьми мужского пола, и она любила меня и ходила за мной, и я не видал от нее дурного и тоже любил ее великой любовью. И когда пришло начало этого месяца, она сильно заболела, и я призвал к ней врачей, и здоровье стало понемногу к ней возвращаться; и я захотел свести ее в баню, но она сказала: «Мне чего-то хочется перед баней, и я очень этого хочу». – «Слушаю и повинуюсь, – сказал я, – что же это такое?» – «Мне хочется яблока, – сказала она, – я понюхаю его и откушу от него кусочек».

И я тотчас же пошел в город и стал искать яблок, но не нашел их, и если бы штука стоила целый динар, я бы, наверное, купил. Это было для меня тягостно, и я пошел домой и сказал моей жене: «О дочь моего дяди, клянусь Аллахом, я не нашел ничего». И она расстроилась, будучи больна, и ее болезнь в этот вечер очень усилилась.

И я провел эту ночь в размышлениях, а когда настало утро, я вышел из дому и стал обходить сады один за другим, но не нашел яблок. Мне повстречался старый садовник, и я спросил его о яблоках, и он сказал мне: «О дитя мое, это теперь редко найдешь, и яблок нету. Их можно найти только в саду повелителя правоверных, что находится в Басре, и они у садовника, который бережет их для халифа».

И я пошел домой, и моя любовь и привязанность побудили меня собраться в путь, и я пропутешествовал туда и назад пятнадцать суток, ночью и днем, и принес ей три яблока, которые я купил у басрийского садовника за три динара. И я вошел и подал их жене, и она обрадовалась и оставила их около себя, и ее болезнь и лихорадка усилились, и она все время хворала, пока не прошло десять дней, и после этого она выздоровела.

И я вышел из дому и отправился к себе в лавку и сидел за продажей и покупкой; и когда я сидел так, в полдень вдруг проходит мимо меня черный раб, а в руках у него яблоко из тех трех яблок, и он им играет. «О добрый раб, – спросил я его, – скажи, откуда ты взял это яблоко, чтобы и я мог достать такое же?» И раб засмеялся и ответил: «Я взял его у моей возлюбленной. Я отсутствовал и приехал и нашел ее больной, и у нее было три яблока, и она сказала мне: «Мой муж, этот рогатый, ездил ради них в Басру и купил их за три динара». И я взял у нее это яблоко».

И когда я услышал слова раба, о повелитель правоверных, мир стал черен в моих глазах. И я встал, запер лавку и пришел домой, лишившись рассудка от сильной ярости, и посмотрел на яблоки и нашел только пару и спросил жену: «Где третье?» И она ответила: «Не знаю и не ведаю!» И тогда я убедился в истинности слов раба, и взял нож и – подошел к моей жене сзади, не заговаривая с нею, и сел ей на грудь и перерезал ей ножом горло. И я отделил ее голову от тела и поспешно положил ее в корзину и покрыл изаром, а потом я зашил корзину и, накрыв ее куском ковра, положил ее в сундук и увез ее на своем муле и своей рукой бросил ее в Тигр.

Заклинаю тебя Аллахом, о повелитель правоверных, поторопись повесить меня, – я боюсь, что она потребует от меня ответа в день воскресенья. И когда я бросил ее в реку Тигр (а никто не узнал об этом), я увидел, что мой старший сын плачет (а он не знал, что я сделал с его матерью). «Что ты плачешь, дитя мое?» – спросил я его, и он сказал: «Я взял одно яблоко

из тех, что были у матери, и пошел с ним в переулок поиграть с братьями, и вдруг высокий черный раб выхватил его у меня и спросил: «Это откуда к тебе попало?» «За ним ездил мой отец, – сказал я, – и привез его из Басры для моей матери, которая больна, и он купил ей три яблока за три динара». И раб взял яблоко и не обратил на меня внимания, а я повторил эти слова во второй раз и в третий, но раб не стал на меня смотреть и побил меня и унес яблоко; и я испугался, что мать побьет меня из-за яблока, и ушел с братьями за город от страха, и нас застиг вечер, и я боюсь ее. Заклинаю тебя Аллахом, батюшка, не говори ей ничего, – она станет еще слабее, чем раньше».

И, услышав слова ребенка, я понял, что этот раб выдумал ложь на дочь моего дяди, и убедился в том, что она убита безвинно. И я принялся горько плакать, и вдруг подошел этот старец, мой дядя и ее отец, и я рассказал ему о том, что случилось, и он сел со мной рядом и заплакал. И мы плакали до полуночи и принимали соболезнования пять дней, и по сегодняшний день мы печалимся о том, что я убил ее безвинно. И все это произошло из-за раба, и вот почему она убита. Во имя твоих предков, поспеши убить меня, – для меня нет после нее жизни. Возьми же с меня за нее должное».

И халиф, услышав слова юноши, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никого не повешу, кроме этого проклятого раба, и я непременно совершу дело, которое исцелит страждущего и удовлетворит великого владыку...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцатая ночь

Когда же настала двадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф поклялся никого не вешать, кроме раба, так как юноша заслуживал оправдания, а потом халиф обратился к Джафару и сказал: «Приведи ко мне того проклятого раба, из-за которого совершилось это дело, а если не приведешь, то будешь на его месте!»

И Джафар спустился в город, плача и говоря себе: «Мне явились две смерти, и не всякий раз останется целый кувшин! В этом деле никак не изловчишься, но тот, кто меня спас в первый раз, спасет меня и во второй раз! Клянусь Аллахом, я не буду выходить из дому три дня, а истинный Бог сотворит, что пожелает!»

И Джафар провел дома три дня, а на четвертый день он призвал судей и свидетелей и простился, плача, со своими детьми; и вдруг пришел к нему посланный от халифа и сказал: «Повелитель правоверных в сильнейшем гневе и послал за тобой. Он поклялся, что не пройдет этот день, как ты будешь повешен».

И, услышав эти слова, Джафар заплакал, и его дети и рабы со всеми, кто был в доме, тоже заплакали, а покончив с прощанием, Джафар подошел к своей младшей дочери, чтобы проститься с нею, так как он любил ее больше всех других детей, и прижал ее к груди и поцеловал ее и заплакал о разлуке с нею.

И вдруг он почувствовал у нее за пазухой что-то круглое.

«Что это у тебя за пазухой?» – спросил он дочь. «О батюшка, – ответила она, – это яблоко, на котором написано имя господина нашего халифа. Его принес наш раб Рейхан, и оно у меня уже четыре дня, и он отдал мне его, только взяв с меня два динара». И, услышав про этого раба и про яблоко, Джафар обрадовался и, сунув руку за пазуху своей дочери, вынул яблоко и узнал его и воскликнул: «Боже, о близкий помощник!»

И он велел привести раба, и тот явился, и Джафар сказал ему: «Горе тебе, Рейхан, откуда у тебя это яблоко?» – «Клянусь Аллахом, о господин мок, – отвечал раб, – если ложь спасает, то правда спасает и еще раз спасает! Это яблоко я не украл ни из твоего замка, ни из замка его величества, ни из сада повелителя правоверных. Пять дней тому назад я проходил в городе по какому-то переулку и увидел малышей, которые играли, и у одного из них было это яблоко. Я выхватил его и побил ребенка, а он расплакался и сказал: «О молодец, это яблоко моей матери; она больна и попросила у моего отца это яблоко, и он поехал за ним в Басру и привез ей три яблока за три динара; и я украл у нее одно, чтобы поиграть с ним». И он заплакал, но я не посмотрел на него и взял яблоко и пришел сюда, и моя маленькая госпожа взяла его у меня за два динара золотом. Вот мой рассказ».

Услышав эту историю, Джафар удивился тому, что смятение и убийство женщины произошли из-за его раба, и опечалился, что раб имеет к нему отношение, но он был рад, что сам спасся, и произнес такие стихи:

«И если в слуге тебя поразит несчастье,
То сделай его за душу твою ты жертвой.
Ведь можешь найти ты слуг для себя немало,
Души же другой найти для себя не можешь».

И он взял раба за руку и привел его к халифу и рассказал ему его историю с начала до конца, и халиф пришел в полное удивление и смеялся, пока не упал навзничь.

Он велел записать эту историю и пустить ее в народ, и Джафар сказал ему: «Не дивись, о повелитель правоверных, этому рассказу, – он не удивительнее повести о везире Нур-ад-дине Али египетском и Шамс-ад-дине Мухаммеде, его брате». – «подавайте – воскликнул халиф. –

Какой рассказ удивительнее этого?» – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – я расскажу ее только с условием, что ты избавишь моего раба от казни». – «Если это будет удивительнее того, что случилось с нами, я подарю тебе его кровь, а если не будет удивительнее, я убью твоего раба», – молвил халиф.

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате (ночи 20–24)

Знай, о повелитель правоверных, – начал Джафар, – что в минувшие времена был в земле египетской султан, справедливый и верный, который любил бедняков и проводил время с учеными; и у него был везирь, умный и опытный, сведущий в делах и управлении. Он был дряхлый старик и имел двух детей, подобных двум лунам, которым не было равных по красоте и прелести; и имя старшего было Шамс-ад-дин Мухаммед, а младшего звали Нур-ад-дин Али. И младший больше старшего выделялся красотой и прелестью, так что даже в некоторых странах прослышали о нем и приезжали в земли этого султана, чтобы посмотреть на его красоту.

И случилось так, что отец их умер, и султан опечалился о нем и обратил внимание на его детей, и приблизил их к себе, и наградил их, и сказал им: «Вы на месте вашего отца, пусть же не смущается душа ваша». И они обрадовались и поцеловали перед ним землю и принимали соболезнования по отцу до истечения месяца, а потом вступили в должность везиря, и власть оказалась в их руках, как была в руках их отца, и когда султан хотел путешествовать, один из них уезжал с ним.

И случилось в одну ночь из ночей (а ехать с султаном надо было старшему), что они разговаривали, и вот старший сказал младшему: «О брат мой, я хочу, чтобы мы с тобой женились в один вечер». – «Делай, что хочешь, о брат мой, я согласен с тем, что ты говоришь», – отвечал младший, и они согласились на этом, а потом старший сказал своему брату: «Если определит так Аллах, мы возьмем в жены двух девушек и войдем к ним в одну и ту же ночь, и они родят в один день, и если Аллах пожелает, твоя жена принесет мальчика, а моя – девочку, и мы поженим их друг с другом, и они станут мужем и женой». – «О брат мой, – спросил тогда Нур-ад-дин, – что ты возьмешь от моего сына в приданое за твою дочь?» И Шамс-ад-дин отвечал: «Я возьму за мою дочь у твоего сына три тысячи динаров, три сада и три деревни, и если юноша составит брачную запись без этого – не будет хорошо». – «Что это за условие для приданого моего сына? – воскликнул Нур-ад-дин, услышав эти слова. – Не знаешь ты, что ли, что мы братья и что мы оба, по милости Аллаха, везири и занимаем одно и то же место? Тебе бы следовало предложить твою дочь моему сыну без приданого, а если уже приданое необходимо, назначить сколько-нибудь, напоказ людям. Ты же знаешь, что мужской пол достойней женского, а мое дитя мужского пола, и нас будут вспоминать из-за него в противоположность твоей дочери». – «А что же в ней плохого?» – спросил Шамс-ад-дин. И Нур-ад-дин сказал: «Нас не будут поминать ради нее среди эмиров. Но ты хочешь поступить со мной так же, как кто-то поступил с другим. Говорят, что кто-то пришел к одному своему другу и обратился к нему с просьбой, и тот сказал: «Во имя Аллаха, мы удовлетворим твою просьбу, но только завтра». И тогда просивший в ответ произнес:

«Бывает, когда нужда до завтра отсрочена,
Понятливый знает уж, что прогнан бесславно он».

«Я вижу, ты дуришь и превозносишь своего сына над моей дочерью, – сказал ему Шамс-ад-дин. – Без сомнения, ты скудоумен и нет в тебе учтивости. Ты упоминаешь о разделении везирства, но я допустил тебя быть со мной везирем только из жалости к тебе, чтобы ты мне помогал и был мне пособником и чтобы не огорчить тебя. И раз ты говоришь подобные слова, клянусь Аллахом, я не отдам свою дочь за твоего сына, хотя бы ты дал столько золота, сколько она весит».

И Нур-ад-дин, услышав слова своего брата, рассердился и воскликнул: «Я тоже не женю своего сына на твоей дочери». Шамс-ад-дин сказал: «Я не соглашусь, чтобы он был ее мужем!

Если бы мне не надо уезжать, я бы проучил тебя как следует, но когда я вернусь из поездки, смотри! Я покажу тебе, чего требует мое достоинство!»

Услышав слова своего брата, Нур-ад-дин исполнился ярости, и все в мире исчезло для него, но он скрыл, что с ним происходит, и каждый из них провел ночь в отдалении от другого. А когда настало утро, султан выступил в путь и поехал в Гизе² направляясь к пирамидам, и везирь Шамс-ад-дин сопровождал его.

Что же касается до его брата Нур-ад-дина, то он провел эту ночь в наисильнейшем гневе, а когда наступило утро, он встал, совершил утреннюю молитву и отправился в свою сокровищницу и взял оттуда маленький мешок, который наполнил золотом. И он вспомнил слова своего брата и свое унижение перед ним и произнес такие стихи:

«Постранствуй – в пути найдешь замену покинутым.
Работай – ведь лишь в труде жизнь кажется сладкою,
Ни чести, ни счастья я не вижу на родине,
Лишь горе, – смени же край родной на чужбину ты.
Я вижу, что портится вода неподвижная:
Течет коль – вкусна она, когда ж не течет – дурна.
Если бы не пряталась луна, то не стали бы
Всечасно искать ее глаза наблюдающих,
Не выйдя из логова, не встретит добычи лев.
И только расставшись с луком, в цель попадет стрела,
И золото, точно прах, лежит в своих россыпях,
А дерево райское на родине – как дрова.
Иное в чужой стране желанным является,
Иное в чужой стране дает больше золота».

А окончив эти стихи, Нур-ад-дин приказал одному из своих слуг оседлать нубийского мула стеганым седлом (а это был мул пегий, со спиной высокой, словно возведенный купол, с золотым седлом и стремями из индийской стали и с попоной, достойной Хосроев; и он походил на невесту, с которой сняли покрывало) и приказал положить на него шелковый чепрак и молитвенный коврик, а мешок он повесил под коврик; и потом он сказал слугам и рабам: «Я хочу прогуляться за городом и поеду в сторону аль-Кальюбии;³ я проведу три ночи вне дома, и пусть никто из вас не следует за мною, у меня стеснение в груди». И он поспешно сел на мула, захватив с собою немного пищи, и выехал из Каира, направляясь в пустыню; и не настал еще полдень, как он уже приехал в город Бельбейс. И он сошел с мула и отдохнул и дал передохнуть мулу, и добыв в Бельбейсе немного пищи, съел ее, а потом захватил из Бельбейса еды и корма для мула и направился в пустыню.

И когда наступила ночь, он уже въехал в город, называемый ас-Саидия⁴, и остался там на ночь и поел немного еды, а потом он положил под голову мешок, расстелил ковер и лег спать в помещении почтовой станции, и его одолевал гнев.

И он провел ночь в этом месте, а когда настало утро, он сел на мула и погонял его, пока не прибыл в город Халеб⁵, и остановился на каком-то постоялом дворе. И он провел там три дня и отдохнул и дал отдых мулу и погулял, а потом решил ехать дальше и сел на мула и выехал, не зная, куда направиться. И он ехал до тех пор, пока не достиг города Басры, сам того не зная,

² Гиза – в Средние века небольшой городок к западу от Каира; в настоящее время – предместье столицы Египта.

³ Аль-Кальюбия (точнее: аль-Кальюб) – город в десяти километрах к северу от Каира.

⁴ Бельбейс (Бильбес) и ас-Саидия – пункты остановки на пути из Каира в Сирию.

⁵ Халеб (Алеппо) – город в Северной Сирии.

и остановился на постоялом дворе. И он снял с мула мешок и расстелил ковер и отдал мула в сбруе привратнику, чтобы он поводил его. И привратник взял мула и стал его водить.

И случилось так, что везирь Басры сидел у окна своего дворца и увидел мула и ценную сбрую, которая была на нем, и решил, что это мул из свиты султана, на каких ездят везири или цари. И он стал думать об этом и пришел в недоумение и сказал кому-то из своих слуг: «Приведи ко мне этого привратника».

И слуга пошел и привел привратника к везирию, и привратник выступил вперед и поцеловал землю, и везирь (а он был глубокий старец) спросил привратника: «Кто владелец этого мула и каковы его приметы?» – «О господин мой, – отвечал привратник, – владелец этого чада – юноша, прекрасный чертами; он обладает величием и достоинством и принадлежит к детям купцов». Услышав эти слова привратника, везирь быстро поднялся и отправился на постоянный двор и приехал к юноше; и когда Нур-ад-дин увидел, что везирь направляется к нему, он поспешно встал и встретил его и поздоровался с ним. И везирь приветствовал его, и сошел с коня и обнял Нур-ад-дина, и посадил его рядом с собой и сказал: «О дитя мое, откуда ты прибыл и чего ты хочешь?» – «О владыка, – отвечал Нур-ад-дин, – я прибыл из города Каира. Я был сыном тамошнего везиря, и отец мой переселился к милости Аллаха великого». И Нур-ад-дин рассказал везирию о том, что с ним случилось, от начала до конца, и добавил: «Я решил ни за что не возвращаться, пока не объеду все города и страны».

«О дитя мое, – сказал везирь, услышав его речи, – не слушайся своей души: ты ввергнешь себя в опасность. Земли в запустении, и я боюсь для тебя последствий злой судьбы».

Потом он положил мешок Нур-ад-дина на своего мула и, захватив чепрак и коврик, взял Нур-ад-дина с собой в свой дом. Он поселил его в нарядном помещении и оказал ему уважение и милость, и почувствовал к нему сильную любовь, и сказал ему: «О дитя мое, я стал старым человеком, и у меня нет детей мужского пола, но Аллах послал мне дочь, равную тебе по красоте. Я не допустил к ней многих женихов, но любовь к тебе запала мне в сердце; не согласишься ли ты взять мою дочь себе в служанки, чтобы она ходила за тобою, а ты был ей мужем? Если ты согласен на это, я пойду с тобою к султану Басры и скажу: «Вот сын моего брата», – и приведу к тому, что ты будешь назначен везирем на мое место, а я сам стану сидеть дома; я старый человек».

Услышав слова везиря Басры, Нур-ад-дин опустил голову и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И везирь обрадовался и приказал своим слугам поставить ему еды и украсить большую приемную комнату, где обычно справлялись свадьбы эмиров. Потом он собрал своих друзей и пригласил вельмож царства и басрийских купцов и, когда они явились, сказал им: «У меня был брат, везирь в египетских землях, и Аллах послал ему двух сыновей, а мне, как вы знаете, Аллах послал дочку. И мой брат завещал мне выдать мою дочь замуж за одного из его сыновей, и я согласился на это; и когда настало время выдавать дочку замуж, он прислал одного из своих сыновей, вот этого юношу, что присутствует здесь. И по прибытии его ко мне я решил написав его брачный договор с моей дочкой, и он войдет в мой дом, так как он лучше, чем кто-нибудь чужой. А после этого если он захочет, то останется со мной, а если пожелает уехать, я отправлю его с моей дочерью к его отцу».

И все сказали: «Ты отлично решил!» – и посмотрели на юношу, и он им понравился, когда его увидели. И везирь призвал свидетелей и судей, и написали брачную запись, и зажгли куренья, и выпили сладкого питья, и побрызгали розовой водой, и ушли, а везирь велел своим слугам взять Нур-ад-дина и свести его в баню. И он дал Нур-ад-дину платье из своих собственных одежд и послал ему полотенца, чашки, курильницы и то, что ему было нужно; и когда Нур-ад-дин вышел и надел одежду, он стал подобен луне в четырнадцатую ночь месяца. И, выйдя из бани, Нур-ад-дин сел на мула и ехал, не останавливаясь, до дворца везиря, и, войдя к везирию, поцеловал ему руки, и везирь приветствовал его...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать первая ночь

Когда же настала двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь поднялся навстречу Нур-ад-дину и приветствовал его и сказал: «Войди сегодня вечером к твоей жене, а завтра я отправлюсь с тобою к султану, и я ожидаю для тебя от Аллаха всякого блага». И Нур-ад-дин поднялся и вошел к своей жене, дочери везиря.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается его брата, то он, путешествуя с султаном, отсутствовал некоторое время, а вернувшись, не нашел брата. И он стал расспрашивать о нем слуг, и ему сказали: «В тот день, как ты уехал с султаном, он сел на мула, украсив его праздничной сбруей, и сказал: «Я еду в сторону аль-Кальюбии и пробуду в отсутствии день или два. Моя грудь стеснилась, пусть никто за мной не следует!» И со дня его отъезда до сегодняшнего дня мы ничего о нем не слышали».

И Шамс-ад-дин расстроился из-за разлуки с братом и был сильно огорчен его исчезновением и сказал про себя: «Все это только из-за того, что я на него накричал в тот вечер! Он принял это к сердцу и уехал путешествовать. Непременно надо послать за ним следом!»

И он пошел и осведомил об этом султана, и тот написал грамоты и послал почтовых гонцов к своим наместникам во всех землях, а Нур-ад-дин за те двадцать дней, что они отсутствовали, уехал в далекие страны, и его искали, но не напали на слух о нем и вернулись.

И Шамс-ад-дин отчаялся найти брата и сказал: «Я преступил границы в своем разговоре с братом относительно брака наших детей. О, если бы этого не случилось! Все это произошло по моему малоумию и непредусмотрительности».

И через короткое время он посватался к дочери одного из каирских купцов и написал брачную запись и вошел к своей жене. И случилось так, что ночь свадьбы Шамс-ад-дина и его жены была той ночью, когда Нур-ад-дин вошел к своей жене, дочери везиря Басры, – и это произошло по воле Аллаха великого, дабы осуществился над тварями его приговор.

И стало так, как братья говорили: их жены понесли от них, и жена Шамс-ад-дина, везиря Каира, родила дочь, лучше которой не было видано в Каире, а жена Нур-ад-дина родила мальчика, прекраснее которого не видали в его время, как сказал о нем поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.
Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка черная отмечает.

А другой сказал:

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,
В смущенье бы опустила краса главу.
А если бы ее спросили: «Видала ль ты подобного?» – то сказала
б: «Такого? Нет!»

И Нур-ад-дин назвал его Бедр-ад-дином Хасаном, и дед его обрадовался ему и устроил празднества и трапезы, достойные царских детей. А потом везирь Басры взял Нурад-дина и привел его к султану, и Нур-ад-дин, подойдя, поцеловал перед ним землю. И был он красноречив, тверд сердцем, прекрасен и милостив и произнес такие стихи:

«Да будешь вечно счастлив ты, господин!
Да будешь жив, пока живут мрак и свет.

Когда зайдет о помыслах речь твоих,
То пляшет время и рукоплещет рок».

И султан поднялся им навстречу и поблагодарил Нурад-дина за то, что он сказал, и спросил своего везира: «Кто этот юноша?» И везир рассказал ему его историю с начала до конца и сказал: «Это сын моего брата». – «Как же он сын твоего брата, а мы ничего о нем не слышали?» – спросил султан. И везир сказал: «О владыка султан, у меня был брат, везир в египетских землях, и он умер и оставил двух сыновей, и старший сел на его место везирем, а вот этот, его меньшей сын, прибыл ко мне. А я раньше поклялся, что выдам свою дочь только за него, и когда он приехал, я женил его на ней. Он юноша, а я стал дряхлым стариком, и мой слух сделался плох, и ослабла моя сообразительность, и я хотел бы от владыки нашего, султана, чтобы он поставил его на мое место. Это ведь мой племянник и муж моей дочери, и он достоин сана везира, так как обладает верностью суждения и предусмотрительностью».

И султан посмотрел на Нур-ад-дина, который пришелся ему по сердцу, и пожаловал ему то, чего хотел везир. Он выдвинул его в везирстве и приказал дать ему великолепное платье, а кроме того, султан велел ему дать мула из своих личных и назначил ему выдачи и жалованье. И Нур-ад-дин поцеловал султану руку и отправился с тестем в свое жилище, и оба были до крайности обрадованы и говорили: «Это счастливый жребий новорожденного Хасана!» А потом, на следующий день, Нур-ад-дин пошел к царю и поцеловал землю и произнес:

«Будь же счастлив по-новому каждодневно
И успех знай, хоть строит враг тебе козни!
И да будут все дни твои вечно белы,
Дни тех же, кто враги тебе, – вечно черны!»

И султан приказал ему сесть на везирское место; и Нур-ад-дин сел и взялся за дела своей службы и стал разбирать случаи с людьми и их тяжбы, как делают обычно везиры, – и султан смотрел на него и удивлялся его поступкам, и уму, и сообразительности, и распорядительности; и он полюбил его и приблизил к себе. А когда собрание разошлось, Нур-ад-дин пошел домой и рассказал своему тестю о том, что было; и старик обрадовался. И Нур-ад-дин продолжал оставаться везирем и не покидал султана ни ночью, ни днем, и султан увеличил ему жалованье и пособия, так что обстоятельства Нур-ад-дина улучшились. И у него появились корабли, ездившие от его имени с товарами, и оказались рабы и невольники, и он возделал много имений, орошенных земель и садов.

А когда его сыну Хасану исполнилось четыре года, скончался старый везир, отец жены Нур-ад-дина, и Нурад-дин устроил ему великолепный вынос и похоронил его. А после того Нур-ад-дин занялся воспитанием своего сына; и когда тот окреп и ему исполнилось семь лет, он призвал к нему учителя, и поручил ему научить его читать и дать ему образование и хорошо воспитать его. И учитель научил его читать и заставил усвоить полезное в знании, и Хасан повторял Коран в течение многих лет и становился все красивей и стройней, подобно тому, как сказано:

Вот луна, что в небе красы его полной сделалась,
С анемона щек его солнце светит лучистое.
Красотой он всей целиком владеет, и кажется,
Что созданья все красоту свою у него берут.

И учитель воспитал его во дворце его отца, и Хасан, с тех пор как вырос, не выходил из дворца везира.

И в один день из дней его отец, везирь Нур-ад-дин, взял его и одел в платье из числа роскошнейших одежд и, посадив на мула из числа лучших его мулов, отправился с ним к султану и ввел его к нему. И царь посмотрел на Бедр-ад-дина Хасана, сына везиря Нур-ад-дина, который ему понравился, и полюбил его, а жители царства, когда Хасан проехал мимо них в первый раз, направляясь с отцом к царю, были поражены его красотой и сидели на его пути, выжидая, когда он поедет обратно, чтобы взглянуть на его красоту и прелесть и стройный стан, – как сказано:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочет, и вдруг
Увидал красавца кичливого в одеждах.
И увидел он Близнецов, что щедро рассыпали
Чудеса красот, у него на теле блистающих.
Подарил Сатурн черноту ему его локонов
И от мускуса точки родинок на ланитах.
Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,
А Стрелец бросал с лука век его стрелы метко.
Даровал Меркурий великую остроту ему,
А Медведица – та от взглядов злых охраняла,
И смутился тут звездочет при виде красот его,
И упал он ниц, лобызая землю покорно.

И судья, увидев Хасана, пожаловал его и полюбил и сказал его отцу: «О везирь, следует и необходимо тебе всегда приводить его с собою!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И Нур-ад-дин вернулся со своим сыном домой, и каждый день он поднимался с ним к султану.

А когда мальчик достиг пятнадцати лет, его отец, везирь Нур-ад-дин, заболел и призвал своего сына и сказал ему: «О дитя мое, знай, что здешний мир – обитель проходящая, а будущая жизнь вечна. Я хочу дать тебе кое-какие наставления; пойми же, что я скажу тебе, и устреми на это свой разум».

И он принялся учить его хорошему обхождению с людьми и предусмотрительности, а потом Нур-ад-дин вспомнил брата и родные места и земли и заплакал о разлуке с любимыми и вытер слезы и произнес такой стих:

«На разлуку вам жалуясь, что мы скажем?
А когда до тоски дойдем – где же путь наш?
Иль пошлем мы гонца за нас с изъяснением?
Но не может излить гонец жалоб страсти.
Иль стерпеть нам? Но может жить ведь влюбленный,
Потерявший любимого, лишь недолго.
Будет жить он в тоске одной и печали.
И ланиты зальет свои он слезами.
О, сокрытый от глаз моих и ушедший,
Но живущий в душе моей неизменно,
Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой,
Что продлится, пока текут эти годы?
Иль забыл ты вдали уже о влюбленном,
Что довольно уже слез пролил, изнуренный?
Ах! Ведь если сведет любовь нас обоих,
То продлятся упреки наши не мало».

А окончив говорить стихи и плакать, он обратился к своему сыну и сказал: «Узнай, прежде чем я тебя оставлю, что у тебя есть дядя, везирь в Каире, которого я покинул и уехал без его согласия. Я хочу, чтобы ты взял свиток и записал то, что я тебе скажу».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумажный свиток и стал писать на нем, как сказал ему отец, и Нур-ад-дин продиктовал ему все, что с ним случилось, от начала до конца. И он записал для него время своей женитьбы и день, когда он вошел к дочери везиря, а также время своего прибытия в Басру и встречи с везирем, и то, что ко дню кончины ему было меньше сорока лет. «И вот мое письмо к нему, и Аллах для него после этого мой преемник, – закончил он, а затем свернул бумагу и запечатал ее и сказал: «О дитя мое, Хасан, храни это завещание, ибо в этой бумажке указано твое происхождение и род и племя, и если тебя постигнет какое-нибудь событие, отправляйся в Египет и спроси там о твоём дяде и узнай дорогу к нему и сообщи ему, что я умер на чужбине тоскующий».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумагу и свернул ее и зашил в ермолку, между прокладкой и верхом, и намотал на нее тюрбан, плача о своем отце, с которым он расставался молодым. Нур-ад-дин сказал ему: «Я дам тебе пять наставлений. Первое из них: не знайся ни с кем – и спасешься от зла, ибо спасение в уединении. Не посещай никого и не веди ни с кем дел, – я слышал, как поэт говорил:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,
И если обидит рок, не будет уж верен друг.
Живи ж в одиночестве и впредь никому не верь.
Я дал тебе искренний совет – и достаточно.

Второе: о дитя мое, не обижай никого, не то судьба тебя обидит. Судьба один день за тебя, один день против тебя, и земная жизнь – это заем с возвратом. Я слышал, как поэт говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.